

2017 г.

Михаил Ходяков

Она всегда возвращалась

Михаил Ходяков

Она всегда возвращалась

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27101540

SelfPub; 2017

Аннотация

Автор не стесняется использовать табуированную лексику, и показывает жизнь людей такой, какая она на самом деле, от жестоких трагедий, до плотских утех, а главные герои романа, не оставят равнодушными никого. "Она всегда возвращалась" – не тот роман, который привыкли читать девушки и их мамы, здесь не будет принца и самой красивой в мире служанки, а единственным победителем останется реальность. Первое произведение, снискавшее одобрение в кругу автора, наконец, выходит в большой мир. Содержит нецензурную брань.

Предисловие.

Она всегда возвращалась, после всех моих ужасных слов, оскорблений и прочего дерьма лившегося из меня в ее сторону, она всегда возвращалась, через сутки, неделю, месяц... Должно быть она безумно любила меня, настолько сильно, что прощала мне все, настолько сильно, что не могла злиться на меня чересчур долго, настолько сильно, что всегда была рядом. Я – человек, неспособный понять ценности тех чувств, которые она испытывала ко мне, пользовался ею, кричал на нее, ругал, оскорблял, конечно, я никогда не трогал ее, но мои слова всегда приносили ей, куда большую боль, чем могли принести побои. Я не ценил ее, не ценил, пожалуй, единственную женщину в своей жизни, которая всем сердцем любила меня таким, какой я есть. А я в это время разбивал ее хрупкое, девичье сердце, ведь я знал, что она вернется, она всегда возвращалась, и это продолжалось много лет, день за днем, постоянно... До тех пор, пока в одну из ночей она ушла и не вернулась...

Глава 1.

Все началось... верней все пошло по наклонной после той аварии. Я был жутко пьян в тот день, впрочем, как и в любой другой день. Почти каждый вечер я ссорился с Джесси, это было обыденным делом; наорать, обидеть, и расстроить ее перед сном настолько, что она сидела на кухне и плакала по-

что до самого утра, пока тот, кому принадлежало ее сердце, либо мирно спал в кровати, храпя и ругаясь на всю хату, либо сидел над унитазом, пока его желудок испражнял то, что он успел выхлебать за день. Этот вечер не был исключением и я, надрвавшись, начал орать на Джесси.

–Я буду делать то, что я захочу! А ты будешь делать то, что скажу я! Почему? Потому что это мой дом, мой дом!! – разносились на всю кухню мои крики.

–Твою мать, заткнись уже и сходи в душ, весь дом провожнял твоей блевотиной – не унималась Джесси.

–НЕ СМЕЙ ТРОГАТЬ МОЮ МАТЬ! Это мой дом, мой!
И он будет вонять так...

–Как воняет его хозяин!

–Что ты сказала?

–Что слышал! – отрыпнулась Джесси.

Наша ругань продолжалась еще часа два. Ближе к полуночи Джесси, как обычно устала ругаться со мной и, сев за дальний от меня край стола, еле слышно плакать.

–Хватит ныть!... Прошу тебя, хватит ныть – попытался я успокоить ее.

Я не любил, когда она плакала, я был мерзким человеком с еще более мерзким сердцем, но оно у меня было. Пускай не то, которым дорожит каждый человек, и не то, которое как компас направляет человека, у меня было свое сердце, маленькое, скукоженное, умирающее.

Я подошел к ней и встал на колени. Она продолжала

всхлипывать, сгорбившись над столом, ее светлые, длинные волосы, свисая с головы, закрывали большую часть лица и медленно покачивались из стороны в сторону, в такт ее всхлипам. Медленно положив одну руку к ней на колено, второй я отодвинул волосы с лица Джесси и убрал их ей за плечи. Она подняла свою голову и посмотрела на меня, я никогда не мог долго выдерживать ее взгляда на себе. Ее серые глаза, будто смотрели мне внутрь, в такую же серую душу.

—Прости меня, прости...— только начал я извиняться, как она снова опустила свою голову и начала нить.

—Ну и сиди здесь одна, сиди и ной, мне осточертели твои сопли, терпеть их не могу! — взорвался я, схватил свою куртку и, громко хлопнув дверью, вышел на улицу.

Дул сильный осенний ветер, поднимавший в воздух гору опалой листвы, пыли и мусора. Я подошел к своему старому ржавому форду и начал искать ключи, спустя несколько минут напряженных поисков по всем моим многочисленным карманам, я вспомнил, что они у меня в руке. «Чертов осел, иди проспись»— должен был сказать я самому себе, но вместо этого, сел за руль, и поехал. Проехав несколько улиц, я остановился у винного магазина, купил себе бутылку дешевого коньяка и поехал дальше в сторону шоссе. Когда я выруливал на шоссе, оставалось всего пару глотков на дне бутылки. Об лобовое стекло с грохотом разбивались дождевые капли, этот звук бесил меня, я допил бутылку и, бросив ее на заднее сиденье, где валялся уже не один десяток, оставленных там

после очередной ссоры с Джесси, таких же бутылок. Помню, как включил свою любимую группу, увеличил громкость настолько, насколько это было возможно в моей развалюхе, и просто ехал. Поездки всегда меня успокаивали, в них было что-то такое, что помогало мне успокоиться и расслабиться после ссор так, как алкоголь уже не мог помочь. Прослушав добрую половину альбома, я решил развернуться и поехать обратно домой. Шоссе было пустое, не было видно ни одной машины. Я начал затормаживать, чтобы сделать маневр и поехать в обратную сторону, осмотревшись еще раз, я стал поворачивать руль, медленно переезжая через двойную сплошную полосу. В момент, когда я находился ровно по середине обеих полос, мой форд заглох, я дернул ключ пару раз, потом еще несколько и еще... машина никак не реагировала на мои попытки оживить ее.

«Придется выходить под дождь» раздался голос в голове, я потянул ручку, и в запотевшее стекло увидел, стремительно приближающийся, ослепляющий свет, потом я почувствовав резкий толчок, отлетел назад, ударившись головой и разбив ею боковое стекло. Последнее что я помню, это как кто-то выволакивал меня из машины, мой горящий форд и кровавый след, тянущийся от него.

Глава 2.

«Вот дерьмо! Нет, ну что за дерьмо?» – орал я, лежа на больничной койке. В этой гребаной палате, с отваливавшейся краской на всех стенах, освещаемой лишь маленькой лампой в верхнем углу и грязным, треснувшим окном, с видом на какой-то лес, я был совершенно один. Я не знал, что это за место, ни разу не видел этот лес и уж тем более не видел такое старое здание у нас в городе, должно быть я далеко уехал той ночью, ведь обычно всех больных в радиусе 40 км от нашего города везли в больницу, находившуюся всего лишь в паре кварталов от моего с Джесси дома.

– Джесси... – протянул я, – Дерьмо!

Я лежал и думал, о том, что мог подохнуть на этом черто-

вом шоссе, и мои последние слова, обращенные к Джесси....

– Больше ни капли! Больше не пью! – заявил я сам себе, но спустя пару минут передумал и добавил – Больше я не пью за рулем!!

Отказаться от выпивки для меня было непосильной ношей, но не садиться пьяным за руль, было вполне выполнимой задачей. Я решил подойти к окну и осмотреться. В тот момент идея показалась мне хорошей, (должен же я знать, где нахожусь) медленно и очень аккуратно я приподнялся и попытался сесть, но тут же понял, что идея была полным дерьмом. При движении у меня ломило все тело, ноги наливались свинцом, в голове начинало звенеть, становилось трудно дышать и тут же хотелось проблеваться, поэтому я оставил идею подняться до лучших времен.

Не знаю, сколько я провалялся на этой койке, но, в конце концов вид из окна, потолок, и стены мне надоели, и я отключился. Проспав, как мне показалось, не больше 20 минут, я проснулся из-за того, что кто-то дергал меня за плечо, сначала меня легонько толкнули, но я не хотел просыпаться, мне было слишком плохо, и я чувствовал себя чересчур уставшим, но спустя какое-то время меня буквально начали трясти и дергать за плечо, приподнимая с кровати, тем самым причиняя мне сильнейшую боль во всем теле. Я не смог более игнорировать это

– Что за херня? – возмутился я, открывая глаза, – Мне

плохо, неужели не... Джесси!!!

Надо мной стояла моя Джесси, единственный человек, которого я был рад видеть сейчас. Она казалась мне удивительной красивой в этот момент, нет, она была красивой, была красивой всегда, просто я всегда забивал на это. На ней была зеленовато-серая блузка в тон ее глазам, черная юбка чуть выше колена, и высокие кожаные сапоги.

– Ты очень красивая. – промямлил я.

Джесси наклонилась, прижалась ко мне и поцеловала в губы, мне было больно даже целовать ее, но я терпел, она стояла того, чтобы терпеть боль ради нее.

– Как ты? -спросила она, едва оторвавшись от моих губ, – Что случилось? – не переставала спрашивать Джесси, не давая мне возможности ответить ни на один из ее вопросов.

– Живой, -удалось вставить мне свое слово, – какой-то придурок врезался в меня на шоссе.

Джесси сидела, готовая расплакаться в любой момент, и просила, чтобы я рассказал ей все, что случилось после того

как я вышел из дома. Мне было жаль ее, я не хотел, чтобы она снова плакала, но я рассказал ей все в подробностях, по крайней мере, то, что помнил. Она заплакала. Я не любил, когда она плакала, меня это раздражало, но сейчас мне было лишь стыдно за то, что она снова плачет из-за меня, Джесси плакала только из-за меня, в ее слезах всегда виноват был лишь один человек. И сейчас все это происходит снова по моей вине. Я должен был что-то сказать ей, но я не был мастер слова, я никогда не писал письма, с друзьями обменивался лишь короткими фразами, а сейчас я должен был сказать действительно что-то стоящее.

– Джесси, послушай, – она продолжала плакать, закрыв свое милое личико руками, – прости меня, я вечно заставляю тебя плакать, вечно причиняю тебе боль, и я не понимаю, почему ты все еще здесь, со мной, но мне действительно стыдно за все мои действия, слова и поступки, я никогда не хотел делать тебе больно, никогда не хотел обижать тебя. Единственное о чем я думал, когда лежал там, в загорающейся машине, это то, что мои последние слова, обращенные к тебе, Джесси, заставили тебя плакать, прости меня! – выпалил я на одном дыхании и почувствовал что мои глаза тоже увлажнились, но я не плакал, плакала только Джесси, через пару секунд она подняла голову, и я увидел что она улыбалась, по щекам у нее так и текли слезы, но в глазах была радость, а на лице улыбка, настоящая улыбка, я не мог

вспомнить, когда она улыбалась в последний раз, с улыбкой на лице она нравилась мне куда больше, чем расстроенной и заплаканной.

– Вот, тот человек, в которого я влюбилась – с улыбкой сказала Джесси.

Я взял ее руку, в тот момент мы с ней были счастливы, она была рада, что я жив, а я был рад тому, что, хотя бы раз за последнее время смог заставить ее улыбаться.

Глава 3.

Я рассчитывал пробыть в больнице пару дней и уехать домой, но доктор, навещавший меня каждые 2-3 часа, разрушил все мои надежды на скорое возвращение. Перечислив все мои повреждения, в число которых входило сотрясение, пара сломанных ребер, трещина в голени и несколько неглубоких ран по всему телу. Я лежал и думал, радоваться тому, что я жив, или проклинать все, за мое "необыкновенное везение", второе, казалось мне куда более приятной идеей. Джесси навещала меня раз в два дня, каждый раз, слыша, как она заходит ко мне в палату, у меня на лице появлялась какая-то дибильная улыбка. Я был рад видеть ее каждый раз, за все то время, что я провел здесь, мы не поссорились и не поругались ни разу, видимо я слишком наслаждался ее присутствием, чтобы находить повод начинать ссоры и ругаться. Честно говоря, в какой-то момент я понял, что мне даже нравится лежать здесь, в этой гребанной палате. Мне нравилось, что Джесси приходила и заботилась обо мне, нравилось жить с ней без ссор, нравилось жить с ней так, как будто мы с ней счастливая пара, по выходным она даже приносила мне выпить. В том, что я попал в аварию, было так много положительных вещей сводившихся в основном к тому, что я стал меньше пить, а отношения с Джесси достигли своей максимальной, позитивной точки.

Это была четвертая или пятая суббота, которую я прово-

дил вместе с Джесси в палате, пожалуй, если бы сейчас у меня спросили, куда я бы хотел вернуться, или какой момент своей жизни я бы хотел пережить еще раз, то я, безусловно, выбрал бы это место и это время. Джесси, как обычно, пришла в районе шести часов и, поскольку сегодня была суббота, должна была захватить с собой выпивки для меня.

–Ты принесла виски? – наигранно спросил я, как только открылась дверь.

–Нет, – сухо ответила Джесси, снимая с себя шарф и перчатки, – У меня есть кое-что получше, тебе должно понравится.

Я приподнялся и, испытав мучительную боль в груди, уселся на краю койки. Джесси достала бутылку вина и подошла ко мне, "Вино " – подумал я, "Мне нужно бутылки три, чтобы расслабиться и унять боль хоть немного, почему она вообще решила принести..." – мой мозг не успел сформулировать свое недовольство, потому что Джесси подошла ко мне и, сбросив на пол пальто, уселась мне на колени. Под пальто не было ничего, она была полностью голой. Последние пять недель я был счастлив видеть ее каждый раз, но сегодня особенно, ведь она была здесь, со мной, а не с каким-нибудь обкуренным гавнюком с соседней улицы. Не думаю, что я был готов к активным физическим нагрузкам, мои ребра все еще болели при каждом движении, но сейчас мне было абсолютно наплевать на это, я хотел Джесси, хотел быть внутри нее, хотел владеть ею так, чтобы ей не хоте-

лось уже никого кроме меня. Я обхватил ее за талию, крепко прижал к себе и начал целовать, мы увалились на мою койку, я продолжал целовать ее еще какое-то время, медленно спускаясь все ниже и ниже, под ее стоны и вздохи. Я давно хотел показать ей насколько сильно любил ее, несмотря на все мои выходки, и сейчас я во всей красе объяснял ей, "как" я восхищаюсь ею. По ее тяжелым, быстрым вздохам, и рукам, впившимися мне в волосы, я понял, что до нее дошло. Все испытываемые мною чувства дошли до нее. Хах! В тот вечер я объяснил ей все без лишних слов. Спустя несколько минут, она подняла меня вверх, встала вместе со мной и толкнула меня, я с грохотом повалился на жесткую, медицинскую кровать, что-то хрустнуло, я надеялся, что это было не мое ребро. Она залезла на меня и, медленно опустившись, начала двигаться. Ее волосы раскачивались в такт ее мелодичных, плавных движений, не останавливаясь, она положила мои руки себе на грудь, и начала целовать меня. Обхватив ее руками, я перевернул ее под себя, теперь вся инициатива была за мной. Я начал медленно входить и выходить из нее, постепенно ускоряясь, с каждым движением она вздыхала все громче и громче, пока, наконец, ее вздохи не превратились в стоны. Такие приятные звуки... она испытывала огромное наслаждение, конечно, ведь обычно я либо не мог сконцентрироваться из-за выпитого алкоголя, либо моей концентрации хватало секунд на 30, после чего я заканчивал и отрубался. Мне тоже было приятно, по крайней ме-

ре, сначала, но редкая, колющая боль в груди, начинала превращаться в постоянную, режущую боль, буквально разрывающую мою грудную клетку на несколько частей. Я ускорился еще немного, настолько, насколько мне позволяло мое состояние, Джесси уже не сдерживалась и стонала, должно быть на добрую половину этажа, спустя еще несколько минут, я закончил и, обессиленный, улегся рядом с ней. Джесси повернулась ко мне лицом, поцеловала и, обняв, начала засыпать. Я укрыл ее своим одеялом, смотрел на нее и гладил ее длинные, светлые волосы.

Глава 4.

Спустя три недели меня выписали по моей просьбе, вежливо попросив подписать с десятков документов, в основном о том, что я не буду предъявлять никаких претензий больнице в случае обострений, и тому подобной хрени. Джесси помогала мне собираться, я испытывал смешанные чувства, с одной стороны я был рад наконец-то свалить отсюда, с другой же, столько всего приятного произошло здесь, и я так привык к этому, что боялся возвращаться в реальную жизнь, вдруг снова все будет так, как было раньше. Но это были проблемы "будущего меня", "сегодняшний я" просто съезжал с этого чертова места и возвращался в свой дом. Я собрался минут за 10, собственно говоря, собирать было нечего, когда я ехал по шоссе, у меня не было ничего, кроме одежды, в которой я был и кошелька с несколькими купюрами.

Мы спустились на первый этаж, это заняло куда больше времени, чем мои сборы, я думаю, что сам в жизни не спу-

стился бы, но мне помогала Джесси и медбрат. Я был похож на противную, старую черепаху, медленно переваливавшуюся с одной лапы на другую. Не знаю сколько мы потратили времени на эти многочисленные пролеты, но я изрядно пропотел, пока добрался до выхода. Я заполз в ее небольшую машину и завалился на задние сиденья. Мы поехали домой. Меня жутко трясло и кидало по всему салону на каждой гребанной яме и кочке. "Сука, они каждый год собирают налоги на ремонт этого долбанного шоссе, так какого черта я должен трястись как какой-то кусок дерьма?" – думал я, время от времени подпрыгивая и кривясь от боли, на очередной яме. Через несколько миль дорого стала терпимой, и я засмотревшись на синеватое небо с медленно плывущими по нему серыми, грозowymi тучами уснул.

Проснулся я уже, когда Джесси парковалась у нашего крыльца. Она вылезла из машины, помогла выбраться мне, и мы пошли, рука об руку, в наш дом. За тот период пока я был в больнице, в доме многое изменилось, начиная с того, что он был куда чище, чем я его помнил (Джесси выкинула весь мой мусор, огромное количество пустых бутылок, пачек от сигарет, старых газет и прочего дерьма), и заканчивая тем, что Джесси полностью переставила всю мебель в моем доме.

– Тебе нравится? – с улыбкой на лице спросила Джесси.

– Да, теперь куда лучше. – ответил я ей и, плюхнувшись

на диван, достал сигарету.

– Ааамм, – протянула Джесси, я поднял на нее взгляд, начиная закуривать, – мог бы ты не курить в доме, мне бы очень не хотелось, чтобы тут опять повсюду был пепел и окурки, и весь дом пропах табаком. – закончила говорить Джесси.

Я, не сказав ей ни слова, вышел на веранду, закрыл дверь и начал курить.

"Ну охуеть! Теперь я и покурить не могу в собственном доме, в моем доме!!!"

Глава 5.

Это была самая большая херня за все время моих с Джесси отношений. Прошло уже около двух месяцев с моего возвращения. Я нашел себе работу, по правде говоря, она мне была не нужна, у меня было достаточно средств, чтобы прожить еще лет двадцать, каждый день выпивая бутылку виски и скуривая пачку сигарет. Я начал искать ее только для того, чтобы отвлечься от повседневной рутины, и чем-то раз-

бавить ее, помимо алкоголя, плюс, теперь у меня в доме была горничная.

Виктория, девочка лет двадцати, живущая у нас и следившая за порядком в доме, что делало мою Джесси более спокойной и давало ей больше времени уделять себе и мне. Я лежал на кровати, после сорока минутного забега с Джесси, она лежала рядом и уже спала. Я взял пачку сигарет, лежащую на тумбе, рядом с кроватью, и закурил. Мне нравилось курить в кровати, почти каждую ночь я выкуривал по две или три сигареты до того, как попал в больницу. Там я курил мало, а по возвращению домой, я и вовсе перестал курить в постели, из-за нудежа Джесси, но сейчас она спала, и я мог покурить, не боясь, что она докопается до меня. Я выкурил две сигареты и уснул. Мне приснился кошмар. Я был в своем старом городке, где я родился и рос с родителями. У нас был обычный деревянный домик, такой же, как все дома слева по улице, такой же, как и все дома справа. Было раннее утро, где-то около 4, я собрался и, без ведома родителей, ушел с друзьями на рыбалку. Возвращались мы уже затемно, я нес где-то с дюжину окуней, и был крайне доволен своим уловом. Мы уже почти дошли до наших домов, находившихся на окраине, в низине, из-за чего мы видели их лишь, когда преодолевали вершину последнего холма.

– Кто последний, тот несет все снасти оставшуюся часть пути!! – проорал один из парней и бросился вперед. Все побежали за ним, я не отставал. Добежав до вершины, первый

парень остановился и, замерев на секунду, повернулся к нам с испуганным лицом. Еще три парня добежали раньше меня, и точно так же, замерев, повернулись в нашу сторону. Я добежал четвертым, радуясь тому, что вещи придется нести тому лошку, который был еще только на середине пути. Все смотрели на меня, с таким выражением лица, будто я сделал нечто ужасное.

–Ладно, – сказал я, – я могу пронести вещи вместо него. Один пацан указал рукой куда-то в сторону, я проследил за его движением, на улице горел дом, мой дом. Я, бросив все вещи, помчался в сторону собственного дома, вокруг которого стояла толпа людей, наблюдая, как пылает мой дом, и не пыталась ничего сделать. Ничего и нельзя было сделать, он горел так, словно весь был пропитан бензином, лишь по бокам дома стояли люди с ведрами, следившие, чтобы огонь не перекинулся на соседние дома. Я подбежал к своим родителям, с трудом найдя их среди этой толпы.

–Мама... Отец... – запыхавшись, начал я. – что случилось?

Отец молча стоял, даже не посмотрев в мою сторону, ко мне повернулась мать.

–Конченный ты ублюдок! – начала, надрываясь, кричать она, –Я говорила тебе не курить в доме? Говорила?! Ты поджег наш дом!!! -продолжала орать на меня собственная мать, вся толпа смотрела на меня, медленно сужая круг. Моя мать подошла ко мне, схватила за волосы и крича, начала бить

меня по лицу. -Ты блять, -удар, -может, -удар, -проснешься уже? -удар, удар

"Стоп!! Что за?!" Джесси дубасила меня по лицу, одновременно крича.

—Сука, проснись, ты нам дом поджег!! — я подскочил, сбросив с себя Джесси, и закашлялся, половина комнаты горела. Спустя несколько секунд мы уже стояли где-то в пяти метрах от дома, который почти на половину обхватил этот блядский огонь. Джесси позвонила пожарным и теперь ходила перед домом из стороны в сторону, мне надоело на нее смотреть, и я пошел к машине, достал из бардачка коньяк, сел на капот и стал наблюдать, как горит мой дом. Я выпил уже треть бутылки, когда ко мне подбежала Джесси.

—Виктория в доме!! — со слезами на глазах произнесла она, не добежав до меня пару шагов. Бутылка выпала у меня из рук, Виктория была молодой, умной девушкой с красивой фигурой, семьи у нее не было, и училась она в недорогом колледже в паре кварталов отсюда, иногда мне казалось, что Виктория заигрывает со мной, но я не обращал на ее выходки внимания, мне хватало моей Джесси, тем не менее, я любил Викторию и испытывал к ней скорее отцовские чувства, нежели какие-либо другие. Я побежал в дом, по пути застегивая на себе кожаную куртку. В доме было жарко, пиздец как жарко. Я, задыхаясь, взбежал вверх по лестнице, Виктория жила на втором этаже, в небольшой, но уютной гостевой комнате. Из-под ее двери тоненькой струйкой шел черный

дым, я попытался открыть дверь, но обжег руку об металлическую ручку. Отойдя на полшага назад, я выбил дверь ногой, в лицо мне ударил густой черный дым, я закашлявшись ввалился внутрь, ничего не видя, я пошел в ту сторону, где должна была стоять кровать, не дойдя до кровати пару шагов, я споткнулся и с грохотом рухнув на пол, ударился головой обо что-то. На полу валялась Виктория, все вокруг кружилось, из-за ебаного дыма было ни черта не видно, не хватало воздуха, задыхаясь, я поволок Викторию к выходу. Я с трудом шел сам, не говоря уже о том, что бы нести на себе кого-то, пускай и очень легкого, поэтому я полз, пытаюсь тащить Викторию вместе с собой. Теперь дым был не только в комнате Виктории, весь дом был наполнен этим густым, черным дымом. Я почти дополз до лестницы, когда услышал крики Джесси.

****..****..— казалось, что она кричит в сотне шагов отсюда, но я знал, что Джесси стоит внизу, моя Джесси, в горящем доме, боясь подняться наверх, но еще больше боясь за меня. Я, сделав еще пару рывков, столкнул Викторию вниз по лестнице, вокруг было шумно, горело дерево, дом трещал по швам, но, несмотря на все это, я услышал, как грохнулась Виктория, и как вскрикнула Джесси. Позади меня что-то упало, огромный кусок дерева лежал на том месте, где пару минут назад был я с девчонкой.

"Надо валить отсюда, я не хочу, блять, сдохнуть тут" – подумал я и, как червяк, начал ползти вниз по лестнице, сту-

пенька за ступенькой, и еще, и еще, и... лестница внизу начала гореть, и еще ступенька, и моя рука оказалась в огне, я закричал, и пополз обратно, вверх, ступенька за ступенькой, и еще, и еще, и я снова на том же месте, откуда столкнул Victорию пять минут назад. С улицы раздавались крики моей Джесси

—****...****...— я был рад, что она в безопасности, на улице, вместе с Викторией, я надеялся. Весь первый этаж горел этим блядским огнем, который теперь медленно, полз ко мне по лестнице, весь второй этаж тоже, либо горел, либо был заполнен дымом. Я лежал и ждал, пока либо задохнусь, либо сгорю заживо. На стене горели наши с Джесси фотографии, я чувствовал, как у меня под кожей плавится жир, я плакал, но слез не было, оно и понятно, я сидел в центре полыхающего дома. Огонь поднялся еще на несколько ступенек вверх, странно, что я все еще не задохнулся и не умер. Или я уже умер... и это мое наказание, вечно гореть, плавится, задыхаться в этом чертовом месте, первый раз в жизни я ненавидел свой собственный дом. В полуметре от меня упал еще один кусок дерева, огонь поднялся на последнюю ступень лестницы, и теперь облизывал мою руку, я кричал, кричал громко, настолько громко, что мои крики слышали все, кто смотрел, как полыхает мой, долбаный дом. Жалко, что этот кусок дерева не упал на меня... С потолка прямо на меня, как по заказу, начала падать огромная, горящая, деревянная балка, она промахнулась всего на пару сантимет-

ров, упала на лестницу и, обвалив ее, зацепила меня и утянула вниз. Я грохнулся на огромный костер, из горящих обломков дерева, мебели, вещей, когда-то бывших частью моего дома, сверху продолжали падать горящие куски дерева, один, больше похожий на обломок копья, упал мне на ногу и проткнул ее насквозь. Я умер!

Глава 6.

Тонкий луч света едва-едва пробивался на горизонте, было раннее утро, я стоял на своем небольшом балкончике и, как обычно, наблюдал за восходом солнца. Уже на протяжении нескольких месяцев я встречал его на этом балкончике, с бутылкой недорогого, но довольно вкусного вина. Я встречал его с бутылкой вина и сидел с ней до обеда, ближе к вечеру я брал бутылку скотча, смотрел на закат, и сидел с ней до поздней ночи, утром я брал новую бутылку вина, и так повторялось день за днем, каждый месяц. Помимо этого, несмотря на то, что в течении всей жизни я не выкуривал в день больше 5 сигарет, теперь я курил минимум одну пачку в сутки. Врачи доставали меня с тем, что такой образ жизни скоро убьет меня... "Скорее то, что от меня осталось." – думал я, и посылал их к чертям. От меня не осталось ничего. Внутри у меня всегда было пусто, там было лишь крошечное пространство для Джесси, органы у меня перестали работать, наверно, лет в двадцать, а после того ебанного пожара и от внешней оболочки, практически ничего не осталось. Лучше бы я сдох в том чертовом доме...

"Я очнулся снова в больнице, здесь жутко воняло, врачи сказали, что намазали меня каким-то бальзамом или кремом, чтобы заживить ожоги поскорее. Как бы там не было, воняло от меня жутко, я, весь в бинтах, лежал на больничной койке. У моей головы стояла капельница, которую ставили

мне около 3 раз в сутки. Мне было херово, крайне херово. Не считая бинтов на голове, я не мог шевелить левой рукой, но я хотя бы чувствовал ее, в отличии от ноги, которую, как мне сказал врач, придется еще раз прооперировать, когда я спросил о причине повторной операции, он проямлил что-то о загнивание и небольшом кусочке дерева, застрявшем в тканях моей ноги, я заглянул под одеяло, и проблевался прямо на койку, она была в бинтах, противного, желтоватого цвета, сквозь бинты сочилась какая-то херня вместе с кровью, жуткое зрелище. Первые две недели я не мог шевелиться совсем, любое движение отдавалось по всему телу, как будто скальпелем с меня снимали кожу, слой за слоем. Постепенно я стал немного дергать пальцами обожжённой руки, что уже радовало и меня и врачей. С ногой было хуже, она болела сильно, врачи объясняли это повреждением нервов. Но, через некоторое время, и ноге стало лучше. Через полтора месяца, мне разрешили сесть на инвалидную коляску, это уже было чем-то новым для меня. Джесси, как и в мой прошлый раз в больнице, навещала меня постоянно. В первый раз когда она пришла я спал, а проснулся я от того что она плакала, сидела, наклонившись надо мной, держала за руку, которой я не мог шевелить и плакала.

—Джесси...— начал я, голосом, совсем не похожим на мой, — я жив, Джесси, я все еще с тобой... -попытался успокоить ее. Мои слова не помогали, она продолжала плакать, еще сильнее сжав мою руку, что причиняло мне адскую боль.

Спустя довольно продолжительный период времени, Джесси немного успокоилась, время от времени всхлипывая.

– Как Виктория? – спросил я

– С ней все... – Джесси снова всхлипнула, – ...все хорошо, у нее был шок и отравление, она сейчас в соседней палате, скоро ее выпишут... – ответила Джесси и снова заплакала.

Перед уходом она наклонилась и поцеловала меня в забинтованный лоб. В следующие ее приходы ко мне, она была уже более радостной, она приносила мне цветы, и прочие подарки. Когда я смог хоть немного шевелиться, она начала приносить мне книги, особенно мне понравились книги про Средние века, и Джесси стала приносить мне только их. Джесси была рядом, когда меня посадили на инвалидную коляску, она прокатила меня по саду, который я видел из окна своего номера, мы с ней много разговаривали, она много смеялась, я тоже время от времени улыбался. Через несколько часов она отвезла меня обратно в мою палату, я сказал, что хочу еще немного посидеть в кресле и попросил ее почитать мне. Джесси улеглась на мою койку и начала читать, через несколько глав, в дверь постучали. Вошла медсестра следившая за мной и сказала что через полчаса придут менять бинты, их меняли мне каждые два дня, но я еще ни разу не видел свое лицо, ни разу за полтора месяца, прошедшего после того пожара. Медсестра вышла, Джесси продолжила читать, я слушал и смотрел в окно, солнце было высоко в небе, но там были тучи, и одна из них через несколько минут

заслонила его. В окне стало видно мое тусклое отражение, белое пятно с двумя темными пятнами вместо глаз. Я должен был увидеть свое лицо! Со всей своей возможной скоростью, я закрутил колеса инвалидного кресла и покатился в ванну, где было зеркало. Я начал аккуратно снимать с себя бинты слой за слоем, пока, наконец, не остался последний слой. Джесси стояла в проходе и наблюдала за мной. Я, повернувшись к ней, стянул с себя последний слой бинтов, и дернулся от боли. Джесси выронила книгу и заплакала, ее лицо показало мне все лучшего любого зеркала, тем не менее, я все же повернулся к нему.

– Дерьмо! – выдохнув, сказал я. – ну что за дерьмо... Вся левая часть лица была оплавлена, ожог начинался с конца брови, проходил по всей щеке, почти до самого носа, и заканчивался внизу шеи, там, где начиналась моя куртка. Волос на голове почти не было, не считая не большой щетины, на макушке и правой стороне головы. Правая часть лица осталась практически не сожжённой, но на правом виске, был шрам, длиною около 5 см, слегка заезжавший за ухо. Я осматривал свое лицо несколько минут, когда же выносить этого больше не было сил, я отъехал назад и проблевался. Когда я закончил Джесси уже ушла.. и не приходила в течении недели.

Врачи, пытаясь приободрить меня, сказали, что со временем, мое лицо приобретет более привычный для меня вид,

но по их голосу было понятно, что это просто слова.

Через неделю ко мне снова зашла Джесси, на этот раз она была не одна, вместе с ней пришла Виктория. Она долго благодарила меня, мы все говорили и смеялись. Позже Виктория ушла, и Джесси повезла меня в сад, так продолжалось еще несколько недель, пока меня не выписали из больницы. Я все еще должен был ходить забинтованным, вернее ездить, ходить я не мог, хотя врачи уверяли меня, что в ближайшем будущем я снова встану на ноги.

Джесси вывозила меня из больницы, на новеньком, купленном ею специально на заказ, инвалидном кресле, оно было куда мягче и удобнее больничного. Не успев вывезти меня из больницы, нас встретили несколько десятков репортеров, засыпавших меня вопросами, на некоторые я отвечал, некоторые игнорировал. Оказалось, что мой "героический поступок" по спасению молодой особы, не остался незамеченным, и тысячи людей ожидали моего скорейшего выздоровления.

К нам подошли двое мужчин в классических костюмах и пригласили к ним в просторный джип. Нас отвезли на главную площадь города, где мне вручили какую-то медальку и грамоту, с которыми меня сфотографировали, мэр и какой-то мужик в пожарной форме, высказали мне свою благодарность за заслуги перед городом и по очереди пожали

мне руку. В конце этой церемонии мне дали билеты на двоих в какой-то реабилитационный центр, в котором я и прожил несколько месяцев. Джесси навещала меня периодически, она не могла постоянно быть со мной, да я и не хотел, чтобы она каждый день видела, как я своей изуродованной рожей выхлебываю бутылку за бутылку каждый день.

" Я – чудовище, лучше бы я сдох там..." – думал я, просыпаясь и засыпая каждый день. – " Лучше бы я сдох..."

Глава 7.

Сегодняшнее утро ничем не отличалось от прошлого, они все были одинаковыми. Я проснулся, накинул халат и пошел умываться. Поначалу я не любил смотреть на свое лицо, меня тянуло блевать, но постепенно я к нему привык, ожоги стали более телесного цвета, более гладкими. Я уже не выглядел так, словно раскаленной теркой повозили по моему лицу. По крайней мере, теперь, люди, которых я встречал на улице, не пялились на меня слишком долго, теперь они ограничивались лишь короткими взглядами, брошенны-

ми исподлобья.

После того как я вдоволь насмотрелся на свое обезображенное лицо, я быстро умывался, открывал новую бутылку вина и шел на балкон.

Сегодняшний день отличался, пожалуй, лишь тем, что сегодня вечером ко мне должна была приехать Джесси и остаться со мной на все выходные.

Добив бутылку до конца, я улегся на кровать и продолжил читать очередную книгу. За последние полгода я прочитал уже несколько дюжин, и сейчас заканчивал еще одну. Где-то часа через два я дочитал свою книгу и решил позвонить Джесси. Я попросил ее привезти мне еще пару книг, но она сказала, что я прочитал уже все книги, которые были у нее в доме. Я немного расстроился, не представляя, чем я буду заниматься еще целый месяц в этом центре. Я был полностью здоров, здоров как бык, но не хотел уезжать отсюда, мне нравилось здесь. Я вылечился здесь физически, и планировал за последний месяц вылечиться духовно и морально, основным моим лекарством без сомнений была выпивка. Каждый день я наблюдал за солнцем, читал книги, гулял в саду, ходил на различные процедуры и занимался прочей фигней, которая начинала нравиться мне все больше и больше пропорционально тому насколько я был близок к окончанию моего

пребывания здесь.

Джесси должна была приехать около 6 часов вечера. Я начал наводить в комнате порядок, выкинул весь мусор, убрал ненужные вещи в шкаф, грязные вещи отнес в стирку, располагавшуюся на цокольном этаже, заправил кровать и начал сервировать стол. К приезду Джесси в моей комнате был идеальный порядок, и стол с морем еды, закусок, фруктов, несколькими бутылками вина и скотчем.

Я встречал Джесси у дверей на первом этаже. На мне мой любимый темный бархатный пиджак, широкие темные джинсы, и белая футболка с эмблемой местной футбольной команды. Из-за ноги, проткнутой обломком, я был вынужден ходить с тростью, это казалось мне глупым, я долго сопротивлялся и отказывался ходить с тростью, из-за чего не мог ходить дольше нескольких минут, но Джесси в доме моих родителей нашла трость, с которой еще ходил мой дед, получивший пулю в ногу на войне. Его трость мне очень нравилась, она была из прочного черного дерева с набалдашником в форме волка, вырезанного из кости.

Джесси приехала на такси, у нее было несколько сумок и увесистый чемодан, который я с трудом, но поднял к себе на этаж.

– Что в нем? -поинтересовался я, обтирая пропотевшее лицо полотенцем.

– Это подарок для тебя! – радостно хихикнула Джесси и открыла чемодан. В нем была старая печатная машинка.

– Я знаю, как тебе последнее время нравится читать книги, и я подумала, может ты захочешь написать что-нибудь сам, раз ты все равно большую часть времени проводишь тут, – говорила Джесси, а я уже думал о том, как буду сидеть на своем балконе и писать... – но если она тебе не нужна, я могу увезти ее обратно

–Нет, что ты, я очень хочу написать что-нибудь. – попытался убедить ее я, -Я люблю тебя, спасибо!

–Джесси улыбнулась и поцеловала меня.

Глава 8 .

Я отлично провел выходные с Джесси. Каждый ее приезд был для меня чем-то особенным, чем-то удивительным. Солнце светило ярче, воздух был чище, все вокруг было лучше, несмотря на то, что большую часть времени мы проводили с ней в номере. Джесси уехала пару часов назад, и я, посадив ее в такси, лежал в пустом номере. У меня оставалась еще половина бутылки, и я наслаждался ею в течение следующих двух часов, после чего отрубился и проснулся уже около часа дня. Ночь была полной противоположностью выходных, она была ужасной. Отвратительной. Мерзкой. Грязной. Такой же какой была моя жизнь примерно год назад, собственно говоря она мне и снилась, моя жизнь с Джесси до того, как я в первый раз попал в больницу...

Сон первый.

" – Джеесси!! -орал я на весь дом, – Где, блять, моя бутылка? – с криками вбежал я в комнату, где сидела Джесси.

– Я ее выкинула. – без тени страха ответила Джесси, переключая телевизионные программы.

– Ты совсем с катушек слетела? – накинулся на нее я. – Куда ты ее выкинула?

– В мусорное ведро за домом. Я надеюсь ты не полезешь за ней в мусорку. – усмехнулась Джесси, – это уже третья за сегодня, а ведь еще нету и шести часов вечера.

– Тупая сука! – бросил я и пошел за дом искать бутылку. Я несколько минут шарился в грязном и вонючем бачке, разгребая руками двухдневные отходы. Бутылку я не нашел...

– Я убью тебя, ты шутики, блять, вздумала шутить, я сейчас покажу тебе такую шутку, обхохочешься. – орал я, пока бежал в комнату. Я задел плечом дверь так, что она немного покосилась, на столе стояла бутылка моего недопитого виски. Джесси в комнате уже не было. Я взял бутылку сделал пару глотков и начал искать ее по всему дому, выкрикивая что-то невнятное. Обойдя весь дом несколько раз, я добил бутылку, но так и не нашел Джесси. Уставший я завалился на диван, вылил себе в рот последние капли и, проорав во весь голос.

–Ты вернешься! Ты всегда возвращаешься... – я уснул.

-Ебанутый сон! – проснулся я. Голова жутко болела, я схо-

дил проблевался, в надежде что это поможет мне уснуть, и снова завалился на кровать. Сны продолжались.

Сон второй.

Мы с Джесси гуляли вечером в парке, но все равно было довольно жарко. На сцене играл духовой оркестр, исполняющий популярную в то время Джаз музыку. Я сел на скамейку напротив сцены, Джесси пошла за напитками для нас. Через пару песен ко мне подседа довольно милая девушка.

– Красиво играют, вам нравится? – спросила она.

На вид ей было двадцать с небольшим лет, у нее было приятное лицо и милая фигурка.

– Я не особо разбираюсь в музыке. – с улыбкой ответил я.

– А что тут разбираться то? Музыка либо нравится, либо нет. – засмеялась она.

Я просто улыбнулся ей и продолжил слушать музыку.

– Вы ждете кого-то? – поинтересовалась она.

– Да, свою жену, Джесси. – ответил я ей. – Должно быть она красивая, раз вы даже не обращаете на меня внимание.

Я повернулся и посмотрел на нее.

– Вы очень красивая, но... – начала было я, но увидел возвращавшуюся Джесси.

– Но? – переспросила она

– Но моя любимая уже здесь. – ответил я и указал на Джесси.

Джесси подошла к нам, грубо сунула мне в руки стакан, расплескав часть его содержимого мне на штаны.

– Я Лиза, – представилась девушка. Джесси сухо посмотрела на нее.

– Это моя жена, Джесси, – попытался я разрядить обстановку, – но мы уже уходим. – я поднялся, но Джесси меня остановила.

– Мне нужно сходить кое-куда, я скоро вернусь. – сказала Джесси и, развернувшись на пятках, направилась в противоположную сторону от сцены.

Я просидел с Лизой уже где-то десять минут, она не переставала разговаривать, постоянно спрашивала что-то у меня, если я не отвечал, то она начинала рассказывать о себе. Затем прошло еще десять, я узнал еще множество интересных вещей о Лизе, она придвигалась ко мне все ближе и ближе. Спустя еще несколько минут она сидела вплотную ко мне, а ее рука лежала у меня на колене. Я медленно поднялся, попрощался с Лизой и пошел искать Джесси. Она сидела в соседней аллейке, с каким-то гавнюком. Высоким пареньком, примерно моего возраста, в бежевых бриджах, и отвратительной синей рубашке. Этот обсос держал одну руку на колене у моей Джесси, а второй, обнял ее за плечо. Джесси увидев меня, еще сильнее прижалась к нему.

– Привет – Джесси весело помахала мне рукой.

Мое лицо перекосило от злости, я подошел к ним.

– Знакомься, это Хэнк, – Хэнк протянул мне руку, я проигнорировал его движение и он, скривив свою тупую рожу, сжал свою ладонь в кулак.

– Джесси пойдем, – позвал ее я, – пойдем домой.

– Ты уже наигрался со своей новой подружкой? – хихикнула Джесси, судя по всему, она уже успела выпить не один бокал.

– Она мне не подруга, я даже не знаю ее, – начинал я постепенно злиться, в то время как этот обсос, все не убирал свои лапы от Джесси. – Я и не разговаривал то с ней толком.

– А знаешь, мне наплевать, не ты один можешь флиртовать в парке с кем захочешь. – Джесси положила свою руку на колено Хэнка.

– Пойдем Джесси, хватит уже. – начал я, как меня перебил Хэнк, – Дядь, вали отсюда и не мешай нам. – сказал он и поднял свою руку еще чуть выше колена Джесси.

– Блять, тебя никто не спрашивает, щенок. И прочь руки от моей жены.

– Вообще-то я не твоя жена, – Джесси была права, я не предлагал ей выходить замуж. Но она жила со мной уже несколько лет. Я не видел смысла возиться с бумагами, и она поддерживала меня.

– Это ничего не значит, пошли.

– Эй, тебе сказали свалить, или ты не понял? – Парень встал со скамейки и теперь смотрел на меня сверху вниз.

– Пошел на хуй отсюда! – ответил я, и снова повернулся к Джесси.

Этот ушлепок толкнул меня, я зашатался и чуть не упал.

– Ты в морду давно не получал? – он тыкнул меня в плечо своей длинной рукою, я снова пошатнулся.

– Еще раз тронешь меня.. – он снова толкнул меня, на этот раз я не удержался и упал. Хэнк заржал.

Я поднялся и отряхнулся, Джесси сидела с каменным лицом. Я посмотрел на нее и наши взгляды встретились.

– Уходи, я тебе не мешала веселиться с той потаскушкой. – сказала Джесси.

Хэнк направился в мою сторону, одного удара хватило, чтобы уложить этого сопляка на лопатки, Джесси вскрикнула. Я подошел к валявшемуся на земле Хэнку и, перешагнув через него, поднял его за ворот над землей.

– Не надо. – рассердилась Джесси. Парень держался за разбитый нос.

– Не надо? не надо? – начал кричать я, – Да я убью этого гавнюка.

Я замахнулся и ударил его в лицо, затем еще раз, и еще. После нескольких ударов я бросил его на землю, он жалобно скулил, и говорил что-то неразборчивое про свое бедное лицо.

Джесси вскочила со скамейки и подбежала ко мне.

– Ты мудака! – крикнула она и ударила меня ладонью по лицу, после чего ушла, показав мне на прощанье средний палец.

– Ничего – подумал я, – Она вернется, Она всегда возвращается. – и, пнув, парня ногой под ребра на прощанье, я пошел в бар немного остыть.

Я очнулся весь в поту и соскочил с кровати.

–Ну и ночь – выдохнул я в темноту.

На часах было около трех, слишком рано чтобы не спать оставшуюся часть ночи, поэтому я умылся и улегся спать уже

на диване, рассчитывая, что, хотя бы оставшуюся часть времени, я буду спать спокойно, без неприятных мне воспоминаний.

Сон третий.

Я плохо помню этот сон, но начинался он совсем не как кошмар, а наоборот.

Как по телевизору передо мной пролетали некоторые моменты из наших с Джесси отношений. Наша первая встреча. Я встретил ее в баре, Джесси очень громко ругалась с парнем, с которым, как оказалось, она хотела порвать. У меня был очень плохой день, и я поднимал его себе вместе с градусом в своем любимом баре, а эта парочка сидела рядом со мной у стойки и очень громко говорили. Девушка мне не сильно мешала, она активно жестикулировала, из-за чего ее, и без того короткое платье поднималось время от времени еще чуть выше. Она была стройной, с милым личиком, длинными, светлыми волосами и большими... глазами. Но вот парень, загораживающий мне вид на эту прекрасную особу, да и еще постоянно выкрикивающий что-то противным, резким голосом, который как нож, врезался мне в ухо, проходил через всю голову, и вылезал через другое, мешал мне довольно сильно. Парень резко соскочил со стула, задел мою руку с выпивкой, из-за чего я вылил остатки своего коктейля

на стойку.

– Парень... – окликнул я его.

– Дедуля, остынь, можешь допить мой.– он пододвинул ко мне стакан дешевого виски со льдом и отвернулся к своей подруге.

Он назвал меня дедулей. Я, конечно, плохо выглядел последние дни, но в лучшем случае я был старше его лет на пять.

– Плевать на выпивку, – я развернул его к себе, потянув за плечо. – Ты сможешь разговаривать потише, у меня уже голова от тебя раскалывается!

– Может тебе еще и рожу расколоть? – начал выкабениваться парень. – Если мы тебе мешаем, можешь убраться нахуй отсюда.

– Ох, твоя подруга мне не мешает, я могу смотреть, как она дергается хоть весь вечер, но вот твой писклявый голосок меня уже подзаебал. – поднимаясь со стула, сказал я ему.

– Пойдем, выйдем, дядь, – он махнул головой в сторону выхода.

– Нахера? Меня здесь все знают, я здесь постоянный посетитель. – Я схватил его руками за шиворот и ударил коленом в под дых, парень согнулся пополам.

– Спасибо за выпивку, но я не пью такую дешевую ссанину. – Прокричал я ему на ухо, и приложил его головой об мраморную стойку. -Спа-си-бо! -я стучал его головой акцен-

тируя каждый слог, он скатился на пол и продолжал валяться там.

– Том, – позвал я бармена, с которым раньше учился в одном колледже, – все, что захочет девушка за мой счет. – указал я на немного испуганную подругу парня, продолжавшего валяться у стойки, и пошел домой.

На следующий вечер, я опять сидел за стойкой и пил виски, когда ко мне под села девушка.

– Я Джесси – представилась она.

– Мы знакомы? – удивился я.

– Нет, но вы избили моего бывшего парня. – улыбнулась Джесси.

– Ааа... – протянул я, – такого смазливового паренька, точно бывшего? – поинтересовался я, потягивая виски.

– Да, я как раз рассталась с ним, перед тем как вы избили его. – удовлетворила меня девушка.

– Так вот, почему он был так зол, я бы тоже злился, если бы такая девушка как вы решила бы расстаться со мной. – Джесси улыбнулась.

Затем мне снилось, как мы с ней ездили в Европу, это было что-то вроде медового месяца, где мы были счастливы как дети, взрослые дети, которые половину дня проводили в постели, а другую гуляли по городу, смотрели достопримечательности, сидели в парках, скверах, аллеях, пили в барах и отрывались на полную катушку. После этого, было еще пара приятных снов с участием Джесси. Все шло к тому, что я

должен был проснуться с хорошим настроением, но последний сон перечеркнул все хорошее, что было до него.

Сон четвертый .

За окном был холодный декабрьский вечер. Я украшал елку и дом, Джесси готовила еду. Ближе к ночи, я уже не помню из-за чего, но мы с ней крепко повздорили, и я решил насолить Джесси. Дело в том, что она очень любила эти праздничные дни, и я, как конченный урод, решил их ей испортить. Надравшись, я стал срывать все украшения, порвал все гирлянды, поразбивал шары, сломал и выкинул на улицу елку, съел половину приготовленной Джесси еды, а другую половину выкинул. Но я не получил желаемого, Джесси не была в ярости, она не злилась, и не пыталась ударить меня, она сидела и, как обычно, плакала на кухне. Наутро ее в доме не было, я, достав очередную бутылку виски, предназначавшуюся для праздничного стола, начал ее пить.

– Она вернется, она всегда возвращалась. – повторял я, уже в какой раз, после того как обидел Джесси.

Прошли сутки, но Джесси все не было.

– Она вернется... – прошли еще сутки, – она всегда возвращается.

Через неделю я поехал искать Джесси. Она жила в старом доме своих родителей, которые теперь были в более теплых

местах. Мне пришлось очень долго ездить и извиняться перед ней, больше двух месяцев мы жили порознь, в конце концов, она простила меня и перебралась обратно ко мне.

Почти целую неделю, после возвращения Джесси, я был мужем, о котором могли только мечтать все женщины мира. Я приносил ей завтрак каждое утро, помогал по дому, ходил в магазин за покупками, несколько раз водил в ресторан и в кинотеатр, я делал все, чтобы она была счастлива, и она была. Пока в очередной вечер я не нажрался и не наорал на нее до такой степени, что она снова сидела на кухне и плакала.

Я проснулся, когда на часах было около пяти, и решил, что больше сегодня уже спать не буду. "Хватит с меня снов и воспоминаний" – подумал я, пошел в душ, достал бутылку вина и сел за стол, где стояла печатная машинка, подаренная Джесси.

Глава 9.

Я просидел над печатной машинкой, с вкрученным в нее чистым листом, несколько часов. Пустая бутылка уже давно валялась под столом, но на листе не было ни единого слова. "Хреновый из меня писатель" – подумал я.

Нужно было что-то написать, хотя бы начать, не мог же я просидеть целое утро за столом за просто так. Я пододвинул машинку к себе и занес руки готовый творить. Но ни через

пять секунд, ни через десять, я не напечатал ни единой буквы. Это был провал!

"Соберись, соберись..." – звучал противный голос у меня в голове.

– Камелот – напечатал я название своей будущей книги, тут же вырвал листок, скомкал его и бросил под стол. После этого названия я придумал еще парочку, поэтому теперь под столом валялось уже несколько листов.

"По крайней мере, процесс сдвинулся с мертвой точки" – подумал я и продолжил переводить бумагу. Через десять минут под столом уже лежала небольшая кучка из скомканных листов. Идеи крутились у меня в голове, мне нужно было лишь поймать одну из них и запереть в нескольких словах. Я не знал, как правильно пишутся книги, но сам для себя решил, что сначала создам сюжет у себя в голове, затем придумаю идеально подходящее название, и, в самом конце, перенесу идею из головы на бумагу.

Я, просидев так еще минут двадцать и, не найдя идеального названия, сдался и, в прямом смысле, сполз на пол от усталости. Перед моим лицом возвышалась груда скомканных бумаг с "неидеальными" названиями.

"Может мне и не нужно идеальное название?" – спросил я сам себя – "Или я уже пропустил его".

Я сел, скрестив ноги под собой, и стал вытаскивать наугад листочки, в надежде найти то, что мне было нужно. Я расправил первый листок. – Две судьбы. – гласил первый лист.

- "ну и дерьмо!" – подумал я и выбросил его в мусорку.

– Господин и слуга. – было напечатано на втором листке. – " как будто название какой-то порнухи"-выбросил я еще один лист.

–Слуги. "Это уже неплохо" – я положил листок рядом с собой.

После этого я прочитал еще с десятков никуда не годных названий. – Камелот, Средние Века, Замок – многие другие названия даже и не пахли оригинальностью, как будто их придумал какой-то маленький ребенок, а не я.

Я взял последний оставшийся листок -" Двое " было написано на нем, я положил его рядом с собой.

Больше названий не было.

Из огромной кучи названий я выбрал всего два;

"Слуги" и "Двое" – оба названия мне нравились и подходили, и охватывали весь рассказ.

"Слуги " – название говорило само за себя.

"Двое" – тоже было очень характерным название, двое слуг, два господина, две истории, да и само название как-то интриговало. Я решил остановить свой выбор на нем.

Я сел за стол, вставил листок и напечатал "Двое". Я начал свою книгу!

Дальше писать оказалось куда легче, слова лились из меня бурным потоком, и я работал, не поднимаясь из-за стола, до самого вечера. В общем, за день я написал около 10 страниц, да, это немного, но, для первого дня работы, я был собой доволен, поэтому решил отметить это и пошел в бар на первом этаже.

"Это был хороший день, чертовски хороший!" – радовался я, выпивая один стакан за другим.

Глава 10.

Я хотел закончить книгу к собственному возвращению домой, но я так увлекся, настолько закрутил сюжет, сделал историю настолько масштабной, что вряд ли успел бы закончить книгу даже к концу года. Ко времени отъезда, я закончил уже 20 глав, которые располагались на двухстах с небольшим страницах.

В дверь постучала Джесси, приехавшая помочь мне собраться. Вещей у меня, как обычно, было немного, да и чув-

ствовал я себя отлично, не считая изуродованного лица и немного онемевшей руки, но даже с этими недугами я бы мог прекрасно собраться и доехать сам. Джесси же настояла на том, что она приедет и поможет мне. Я впустил Джесси в комнату, на ней были узкие, облегающие штаны, темно-вишневого цвета, серая, приталенная рубашка на выпуск, и кожаная куртка.

– Ого! – удивилась Джесси, заметя рядом с печатной машинкой стопку аккуратно сложенных листов, – Ты времени зря не терял.

– Я еще не закончил, это только часть. – улыбнулся я Джесси

– Можно почитать? – Сделав милое, жалобное личико, как у ребенка, начала выпрашивать она. – Можно? Можно? Можно??

– Я бы не хотел, чтобы ты читала незаконченную книгу, – как можно мягче, чтобы не обидеть ее, начал я. – мне осталось совсем немного, но как только я допишу, ты будешь первой, кто прочитает ее.

– Ох, ладно, конечно, – Джесси аккуратно положила листы на стол, было видно, что она недовольна отказом, – давай уже собираться, нам нужно в 6 быть дома. – невозмутимым тоном продолжила Джесси, как будто уже забыв, что я только что не разрешил ей прочитать свою рукопись.

Мы быстро собрали все мои вещи, Джесси взяла мою одежду, а я взял машинку, которая весила не меньше 15 ки-

лограмм, и рукопись. Джесси села за руль, я аккуратно уложил все вещи в багажник и сел с ней рядом на переднее сиденье. Мы поехали домой.

– Прямо дежавю какое-то! – засмеялся я. – снова ты везешь меня домой из этих дурацких больниц.

– Да, – улыбнулась Джесси, – только теперь из центра, а не из больницы.

– Да один черт, центры, больницы, врачи, доктора. – начал бубнить я, – не люблю я все это.

Минут десять я смотрел в окно, а потом, случайно, взглянул в зеркало.

– Как тебе мое лицо Джесси? – с злорадной усмешкой спросил я, желая сконфузить ее.

– Нормальное, – сухо ответила мне Джесси, – ты не стал страшнее, не волнуйся, шрамы украшают мужчин, жалко только, что ты теперь будешь ходить лысым.

– Да, я любил свои волосы, – ухмыльнулся я, – но я до сих пор могу отращивать их на правой стороне головы, – засмеялся я.

– Нет, ****, не стоит – тоже засмеялась Джесси.

Мы приехали домой около 5 часов, я разгрузил машину, взял свою книгу, машинку и понес все к себе в комнату на втором этаже. Это был дом Джесси, она показала мне где моя комната, где наша спальня, ванна, туалет, гостиная, кладовки и т.д., в общем Джесси показала мне весь свой дом, в котором мне теперь предстояло жить. В моей комнате был со-

вершенно пустой стол, там я и решил устроить свой "писательский уголок". Я положил уже написанную часть книги на стол, поставил машинку, несколько тетрадей для записок, сотню чистых листов, и тут же принялся за дело. Я успел написать всего-то половину листка, как внизу меня начала звать Джесси.

– ****, ****, иди сюда. – я оставил свою книгу и пошел вниз.

Джесси сидела за накрытым обеденным столом, рядом с ней сидела Виктория, и еще несколько наших общих с Джесси друзей.

– Чего ты там застрял? – спросила Джесси.

– Дааа, я вещи раскладывал. – соврал я и сел за стол, где все жадно смотрели на еду и выпивку, но не начинали без меня.

За столом, помимо меня, Джесси и Виктории, сидело еще три человека, Наташа, Чарли и Майки. Наташа была подругой Джесси, еще до того, как она познакомилась со мной. Наташа меня очень не любила, скорее ненавидела, она считала, что я просто порчу жизнь Джесси, и в чем-то она была права.

Чарли был моим другом, которого я давно знаю, у меня никогда особо не было друзей, но Чарли смог сдружиться со мной, и довольно долгое время мы были лучшими друзьями. Потом, как это всегда бывает, мы стали меньше общаться, я познакомился с Джесси, пока он с местными шлюхами, до того, как я познакомил его с Наташей, возможно именно из-

за этого она стала более благосклонна ко мне, как бы то ни было, эти двое до сих пор в отношениях.

Майки был отдельной историей. С этим чуваком я познакомился года три назад, во время драки с каким-то гавнюком в баре.

Я как обычно изрядно выпил, и "случайно" толкнул какого-то мужика в баре, мы с ним повздорили, слово за слово вышли на улицу. Но этот кусок говна вытащил вместе с собой друга, и эти двое уже были готовы меня отколошматить, верней они уже начали это делать. Я пару раз врезал одному из них, но второй провернул такой апперкот, что я, плюясь кровью, оказался на земле, в это время и появился Майк. Он видел, как за нами из бара вышел еще один мужик, Майк понял, чем все это закончится и решил уравновесить чашу весов. Он буквально выпрыгнул из дверей и сбил одного из парней, со вторым я разобрался сам. Вот так вот мы и познакомились с Майком, когда я спросил его почему он решил помочь, он ответил, что и не собирался помогать, просто хотел отмудохать кого-нибудь.

Майк был, пожалуй, самым клевым из всех моих знакомых, он был моложе меня лет на семь, выше меня, стройный и крепкий, у него в голове всегда были какие-нибудь шальные идеи, из-за чего мы не раз с ним попадали в передраги, Майк был одним из немногих, кто иногда мог перепить меня, он был во многом похож на меня.

Я очень хорошо провел вечер с Джесси и нашими друзьями, я давно не видел их, мы о многом разговаривали, мне нравилось проводить вечер так, а не в одиночестве, не всегда, но сейчас мне это нравилось.

Все эти люди, сидевшие со мной за одним столом, были мне дороги, они были моими друзьями, они все были мне как родные, как семья.

Глава 11.

Я сходил в душ, почистил зубы и прыгнул в кровать под одеяло, где меня ждала Джесси. Она читала какую-то книгу.

– Что читаешь? – поинтересовался я.

– О, я нашла книгу на чердаке. – она протянула ее мне.

– "Время не ждет". – прочитал я название книги. – И как, интересная? – я вернул книгу назад.

– Ну я только начала, но мне нравится, надеюсь, я смогу дочитать ее до конца. -улыбнулась Джесси.

– Я начинал читать ее, но потом как-то забыл про нее. Ладно, давай ложиться – я придвинулся к Джесси, поцеловал ее и, перевернувшись на другой бок, стал засыпать.

Джесси прочитала еще несколько страниц, выключила лампу и тоже улеглась спать.

Она уснула практически сразу, а я до сих пор ворочался. В голове крутилось слишком много мыслей, чтобы спать. Я встал с кровати и медленно, стараясь делать все как можно тише, чтобы не разбудить Джесси, пошел вниз. Взял оставленную с вечера недопитую бутылку виски, поднялся к себе, сел в кресло и стал думать, стараясь, по ходу дела, запивать каждую мысль несколькими глотками виски.

Сначала думать о чем-то конкретном получалось плохо, и я просто пил. Когда же виски закончилось мне осталось только думать.

– “ Похоже, что я хочу завести семью, ребенка, если быть

ТОЧНЫМ.

– Нафига тебе это надо?

– Просто хочу.

– Вспомни себя молодым, ты ни о каких детях и семьях даже думать не хотел.

– Я уже не молодой.

– Хорошо, вспомни себя пару лет назад, ни дети, ни семья тебя тоже не интересовали.

– Пару лет назад я не валялся почти целый год в больнице, у меня было здоровое тело (ну почти), у меня, блять, было нормальное лицо, а не это.

– Мне кажется, тебе нужно все обдумать.

– Обдумать что?

– Дети, семья, ты хочешь, чтобы у твоего ребенка был такой отец как ты?

– Какой, такой!?

– Вечно недовольный чем-то, вечно пьяный, злой, орущий... продолжать?

– Заткнись, я понял.

– На самом деле ты не хочешь ни семью, ни детей.

– С чего ты это взял?

– Ты говоришь, что хочешь семью, а сам даже не женат с Джесси.

– Семья нужна тебе скорей для того.

– Да ни для чего она ему не нужна.

– Да, тебе не семья нужна.

– Тебе нравится идея семьи, ты думаешь, что с рождением ребенка или вашей с Джесси свадьбой что-то изменится? Думаешь, ты станешь другим?

– Я могу стать другим!

– Ну да, ахаха

– Ахахахаха

– Хаахах..."

-Блять, – вскрикнул я и поднялся с кресла.

Я включил в комнате свет, закрыл дверь и сел за печатную машинку.

Мой роман шел легко и плавно, мне не составляло особого труда сочинять, и, как мне казалось, у меня неплохо получалось.

За несколько часов, моя книга увеличилась еще страниц на двадцать, это хороший признак, но мне мешали эти мысли. Мысли о семье, ребенке, Джесси, обо мне и о других вещах, но особенно мне мешали спорящие об этом голоса.

Я заснул прямо за столом, лицом на печатной машинке, судя по всему я ворочался всю ночь, потому что на листе, закрепленном в машине было напечатано это «алвыоэ дпллдва по бардлпр кшу», я увидел в этом знак свыше и, несмотря на то, что на часах не было и полудня, я решил сходить в бар. Вообще, я сочинял намного лучше, если немного выпивал, поэтому я решил, что если схожу ненадолго в бар, а вечером сяду писать, то это будет даже полезно и для меня,

и для рассказа.

Быстро одевшись, я, взяв ключи Джесси, запрыгнул в ее машину и поехал в бар, недавно открывшийся в паре кварталов от сюда.

В баре было чисто, но лишь потому, что он недавно открылся. Здесь почти никого не было, лишь пара, подозрительного вида, личностей сидела по разным, неосвещенным, углам этого заведения. Я сел за стойку, и заказал у бармена два виски и пинту пива. Звучала, совершенно несоответствующая заведению, джазовая музыка. Часы едва-едва пробили час дня, а в баре уже собирался народ, теперь, включая меня, здесь просерали жизнь человек восемь. Я заказал себе еще несколько стаканов виски со льдом, опустошил их за несколько минут и вышел покурить. Докурив, я, в общем-то, собирался поехать домой, но вместо этого пошел обратно в бар.

На часах около четырех, меня изрядно пошатывает. Не знаю после какого стакана, но я решил, что не поеду сегодня домой дописывать свой рассказ. Джесси сегодня работала две смены подряд, поэтому я мог завалиться домой в любое время и не огрести от нее.

Я пил много, охренеть как много. Пару раз я засыпал прямо на стойке, но, оклемавшись, снова наливал себе стакан, два или три раза я бегал блевать за угол здания. Я был чертовски добр и общительным, угостил паренька, который раньше работал в той больнице, где я лежал после аварии,

затем я пил с дамой, лет пятидесяти, не помню, о чем мы с ней разговаривали, но она показалась мне очень милой.

Около восьми вечера я заскучал, взял себе полбутылки и сел в один из темных углов.

– Все бухаешь?

– Сам видишь.

– Пусть лучше бухает, может, выкинет из головы эту чушь про детей.

– Нет! Это не чушь, я, правда, хочу...

– Да, именно поэтому он сидит в баре с самого утра

– ахаха, да, потому что хочет детей.

– ахахахах

– Я докажу. Я женюсь на Джесси... женюсь... прямо сейчас я куплю для нее кольцо.

Взяв бутылку, я вышел из бара и запрыгнул в машину, но, сам не знаю, как, вспомнив неудачный опыт вождения, я вылез и пошел пешком. Я знал одну комиссионку, которой владела единственная еврейская семья, живущая в нашем районе. Я быстро добрался до нее, хотя шел я давно странным маршрутом, помню, пару раз я обходил один и тот же дом, пока не понял, что хожу кругом, перед самым магазином, я споткнулся и чуть не врезался мордой в фонарный столб, но все обошлось.

Зайдя в магазин, я, пошатывающейся походкой, двинулся к прилавку, где лежали украшения. Мне сразу понравилось одно кольцо с красивым камнем, я узнал цену, начал торго-

ваться с продавцом, сначала он не хотел скидывать, но я убедил его и купил кольцо с небольшой скидкой.

Я вышел из магазина и закурил. Я был счастлив, это была определенно новая глава в моей жизни.

Глава 12.

Я шел с кольцом в кармане и решил, перед тем как вернуться домой, зайти в бар и отметить новый этап в моей жизни еще одним стаканчиком. Мое место было свободным, хотя в баре было жуть как много народу. Я взял стакан хорошего шотландского скотча и начал смаковать его, я весь так и светился от счастья и алкоголя.

– Хороший день? – рядом сидела милая женщина.

– Да, неплохой, лучше, чем обычно. – улыбнулся я ей.

– Я Мари – протянула мне руку девушка.

– **** – представился я и поцеловал ее руку.

Девушка засмеялась, я угостил ее каким-то неизвестным мне коктейлем, и мы начали болтать. Ей было за двадцать пять, окончила медицинский колледж, но сейчас не могла найти себе работу, у нее была дочка, которая училась в школе в другом городе, где за ней присматривал отец. В общем-то она еще много чего рассказывала, но я не успевал за ней.

Когда я начал рассказывать ей о себе и дошел до момента с пожаром, она сказала, что видела меня по телевизору и начала осыпать меня комплиментами, от чего я тут же покраснел и впал в смятение, учитывая тот факт, что в этом пожаре был виноват лишь я один.

Мы просидели до самого закрытия, когда же мы с ней вышли из бара я еле– еле стоял на ногах, Мари тоже была изрядно пьяна, но она предложила подбросить меня до дома, и я не стал отказываться. На улице шел сильнейший дождь, а такси в такое время я навряд ли бы поймал. Она довезла меня до дома и проводила до порога, я предложил ей зайти и остаться у меня, погода разыгралась не на шутку.

Мы зашли в дом, я показал ей диван, на котором она может поспать. Я был уверен, что Джесси не застанет Мари у нас в доме, а даже если и застанет, то не будет устраивать сцену из-за того, что я разрешил переночевать у нас на диване девушке, тем более, что на улице творилась такая чер-

товщина.

Мы пошли на кухню, из выпивки у меня было только пиво и виски, Мари взяла пиво, а я, разбив первый стакан с виски, налил себе еще один. Нам было очень весело, музыка играла на весь дом, мы бегали, что-то орали, это все продолжалось очень долго. Потом я устал и завалился на диван.

Глава 13.

Утро было хреновым, очень хреновым. Солнце, сквозь не опущенные жалюзи, светило мне прямо в глаза, голова раскалывалась, все тело ломило, изо рта воняла, а рядом со мной, на нашей с Джесси кровати, лежала полуголая Мари.

– Блять.. – прошептал я и сполз с кровати, все вокруг начало кружиться, пришлось быстро ложиться обратно.

Мари, пока я ползал туда– сюда, проснулась, прижалась ко мне и поцеловала, положив свою руку мне на грудь. На руке было кольцо, которое я купил Джессике.

На этот раз я буквально выпрыгнул из кровати и начал громко говорить что-то нечленораздельное, я был в панике. Мари, кажется, ничего не смущало.

– Тебе нужно уйти – дрожащим голосом повторял я – тебе надо уйти.

– Ты предложил мне выйти за тебя, почему я не могу остаться? – удивилась Мари.

– Потому, что я люблю другую, и кольцо было для нее, а не для тебя, я даже не знаю тебя толком. – в панике бормотал я

– Вчера тебе было наплевать на это.

– Я был пьян, я не собирался на тебе жениться! – кричал я и размахивал руками, как девчонка.

– На ком жениться? – за спиной прозвучал голос вернувшейся с работы Джесси.

« это конец мужик, это конец» – повторял голос у меня в голове.

Все кружилось, Мари что-то орала, показывая кольцо на пальце, то мне, то Джесси, я стоял посреди комнаты, я едва понимал, что сейчас происходит. Джесси... она была вся мокрая и в слезах, они стекали по ее щекам большими каплями и падали на пол, я слышал, как они падают и разбиваются, видел, как они текут и летят, все как в замедленной съемке, Джесси замахивалась на меня и била, плача и крича.

Не знаю, сколько это продолжалось, но в какой-то момент в комнате остались только мы с Джесси, девушка ушла вместе с кольцом. Я так и стоял посреди комнаты, Джесс, обессиленная сидела, согнувшись, на кровати и продолжала плакать.

– Джесс... – обратился я к ней.

– Пошел ты, – подняла она голову, – пошел ты Джек.

Она встала с кровати и пошла в другую комнату, я пошел за ней.

– Отойди от меня! – Джесс начала кричать и разбрасывать вещи.

Я первый раз в жизни видел ее в таком состоянии. Она зашла в мою комнату и начала выбрасывать мою одежду из окна. Постояв еще несколько минут, я вышел на улицу, сел на скамейку под ее окнами и закурил. Вещи перестали падать, я подобрал свою куртку и ушел.

Глава 14.

Я болтался по улицам до самой ночи, пытаюсь найти себе оправдания, и придумать извинения. Оправдания я придумать не смог, но нужные слова я подобрал, как мне показалось. Я купил букет ее любимых цветов и пошел в сторону нашего дома.

Пять... Десять... двадцать минут, прошло, а я так и стоял под дверью, не решаясь постучаться. Решившись, я постучал. Никто не ответил. Я постучал еще. Тишина. Дернул за ручку, было открыто. В доме никого не было, в доме не было ничего, Джесси собрала все свои вещи и уехала куда-то, я обошел весь дом, в надежде найти хотя бы записку, пускай даже гневную, не было ничего. Только на столе осталась стоять моя машинка и рукопись рядом с ней. Даже после того что я сделал, после того как я поступил с ней, она не тронула ее. Она была в бешенстве, но даже в таком состоянии не тронула дорогую мне вещь.

«Какой же я мудака» – снова звучал голос в голове.

Я остался, в надежде, что она может вернуться. Около недели я ночевал в ее доме, грызя и терзая себя за то, что я сделал, но с каждым днем мне становилось только хуже. Как могла простить меня Джесси, если я сам, ежедневно ища себе оправдания, не смог успокоить себя, как бы сильно она не любила меня, она не простит меня.

Прошла неделя, но уже тогда я знал, что больше она не вернется, что я больше не встречу с ней и не увижу ее, Джесси ушла.

Я сел за стол, достал зажигалку, и поджег свой рассказ, я держал его обожженной рукой, пока он горел, лишь в самом конце, не в силах терпеть боль, бросил, уже тлеющую стопку бумаг, в мусорку под столом, вставил чистый лист в машину и начал свой новый рассказ. Я знал, что этот рассказ будет в тысячу раз лучше предыдущего, в этот раз, он будет от самого сердца, даже название я придумал сразу, на листе красовался заголовок: «Она всегда возвращалась».

